

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 12

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 12**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 12 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«Решившись заранее провести шесть месяцев в Риме в полном спокойствии, занимаясь только тем, что может мне предоставить знакомство с Вечным Городом, я снял на следующий день по приезде красивые апартаменты напротив дворца посла Испании, которым сейчас был монсеньор д'Аспурю; это были те апартаменты, что занимал учитель языка, у которого я брал уроки двадцать семь лет назад, когда был на службе у кардинала Аквавива. Хозяйкой этого помещения была жена повара, который приходил с ней спать только раз в неделю. У нее была дочь шестнадцати-семнадцати лет, которая, несмотря на свою кожу, может быть слишком смуглую, была бы весьма красива, если бы оспа не лишила ее одного глаза. Она носила на этом месте искусственный, который был другого цвета и больше, что делало лицо неприятным. Эта девушка, которую звали Маргарита, не произвела на меня никакого впечатления; но, несмотря на это, я не мог помешать себе сделать ей подарок, дороже которого ей не мог быть никакой другой. Тогда в Риме находился англичанин, окулист, по имени шевалье Тейлор, обитавший на той же площади...»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джованни Казанова
История Жака Казановы де Сейнгальт,
венецианца, написанная им самим
в замке Дукс, Богемия, том 12

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

1770 год. Маргарита. Буонакорси. Герцогиня де Фиано. Кардинал де Бернис. Принцесса де Санта Кроче. Маркуччио и его сестра. Отмена запрещения входа в приемную.

Решившись заранее провести шесть месяцев в Риме в полном спокойствии, занимаясь только тем, что может мне предоставить знакомство с Вечным Городом, я снял на следующий день по приезде красивые апартаменты напротив дворца посла Испании, которым сейчас был монсеньор д'Аспури; это были те апартаменты, что занимал учитель языка, у которого я брал уроки двадцать семь лет назад, когда был на службе у кардинала Аквавива. Хозяйкой этого помещения была жена повара, который приходил с ней спать только раз в неделю. У нее была дочь шестнадцати-семнадцати лет, которая, несмотря на свою кожу, может быть слишком смуглую, была бы весьма красива, если бы оспа не лишила ее одного глаза. Она носила на этом месте искусственный, который был другого цвета и больше, что делало лицо неприятным. Эта девушка, которую звали Маргарита, не произвела на меня никакого впечатления; но, несмотря на это, я не мог помешать себе сделать ей подарок, дороже которого ей не мог быть никакой другой. Тогда в Риме находился англичанин, окулист, по имени шевалье Тейлор, обитавший на той же площади. Я отвел к нему Маргариту вместе с ее матерью, и, с помощью шести цехинов, заставил его сделать ей глаз из фарфора, подобный другому, так что лучше нельзя было и представить. Эта трата внушила Маргарите мысль, что, сраженный ее красотой в двадцать четыре часа, я влюблен в нее; ее мать, натура набожная, боясь обременить свою совесть, поспешила приписать это легковесное суждение моим намерениям. Я немедленно узнал все это от самой Маргариты, поскольку мы уже свели к этому времени близкое знакомство. Я использовал полученные сведения, чтобы обеспечить себе обеды и ужины, без всякой пышности и излишеств. Обладая богатством в три тысячи цехинов, я принял за правило вести образ жизни, который обеспечивал бы мне возможность жить в Риме, не только ни в ком не нуждаясь, но даже являясь лицом респектабельным.

На следующий же день я нашел письма почти во всех почтовых бюро, и начальник банка Беллони, который знал меня с давних пор, теперь подтвердил обменные письма, которые я ему представил. Г-н Дандоло, мой всегдашний верный друг, отправил мне два рекомендательных письма, написанных столь же знатным венецианцем, г-ном Зулиани, который рекомендовал меня в Мадриде послу Мочениго с согласия Государственных Инквизиторов. Одно из этих писем было адресовано г-ну Эриццо, послу Венеции, оно мне доставило наибольшее удовольствие. Это был брат того Эриццо, что был послом в Париже. Другое было адресовано его сестре, герцогине де Фиано. Я увидел, что вхож во все большие дома Рима; мне доставила истинное удовольствие мысль представиться кардиналу де Бернис, и тогда я буду знаком со всем городом. Я не нанял ни экипажа, ни слуги, это не необходимо в Риме, где можно получить как то, так и другое мгновенно, по мере необходимости.

Первым лицом, которому я представил мое письмо, была герцогиня де Фиано, которая, будучи предупрежденной своим братом, оказала мне самый любезный прием. Это была женщина весьма некрасивая, отнюдь не богатая, но с очень хорошим характером; обладая весьма малым умом, она взяла за обычай весело злословить, так что создавалось впечатление, что ума у нее много. Герцог, ее муж, носивший имя д'Оттобони, так как имел на него право, и женившийся на ней из-за наследства, был импотент, что на римском жаргоне именовалось бабилано; это была первая личная подробность, что она мне сообщила в третий раз, что я ее увидел; но сказала она мне это не тем тоном, который мог бы внушить мне, что она его не любит, и не так, что могло показаться, что она хочет мне понравиться, потому что казалось, что она говорит мне

это только, чтобы посмеяться над своим исповедником, который пригрозил отказать ей в отпущении грехов, если она продолжит делать все от нее зависящее, чтобы вернуть ему потенцию. Она давала каждый вечер небольшой ужин для своей компании, состоявшей из семи-восьми персон, к которой я был допущен только восемь-десять дней спустя, когда все были со мной уже знакомы, и каждый оценил мое общество. Ее муж, который не любил компании, ужинал в одиночестве в своей комнате. Кавалером для герцогини служил принц де Санта Кроче, жену которого обслуживал кардинал де Бернис. Эта принцесса, дочь маркиза Фалькониери, была очень молодая, красивая, очень живая и создана, чтобы нравиться всем, кто к ней приближался; но, стараясь располагать кардиналом, она не оставляла надежды никому, кто добивался чести занять его место. Принц, ее муж, был прекрасный человек, наделенный благородными манерами и возвышенным умом; но он использовал его лишь для коммерческих спекуляций, он полагал, и был в этом прав, что совершенно невредно пользоваться знатным рождением, извлекая из него все возможные преимущества, с ним связанные. Не любя тратиться, он служил герцогине де Фиано, потому что это ему ничего не стоило, и при этом не рисковал влюбиться. Не будучи набожным, он был вполне иезуитом по духу, и положительно форменным иезуитом в гражданской одежде, как президент д'Эгий, брат маркиза д'Аржан, которого я знал в Эксе. Когда, две или три недели спустя после моего прибытия в Рим, он услышал от меня о затруднениях, которые возникают у человека литературы, желающего поработать в библиотеках Рима таких, как, например, библиотека Минервы, и, тем более, библиотека Ватикана, он предложил представить меня главе дома, принадлежащего ордену Иисуса и Св. Игнатия. Один из библиотекарей представил меня для первого раза всем подчиненным, и с этого дня я мог не только ходить в библиотеку каждый день и в любое время, но даже брать с собой любые книги, которые мне могли понадобиться, лишь записав их названия на листке бумаги, который оставлял на столе, где работал. Мне приносили свечи, когда решали, что недостаточно светло, и простерли свою любезность до того, что дали мне ключ от маленькой двери, через которую я мог ходить в библиотеку в любое время, зачастую даже не показываясь служителю. Иезуиты – самые вежливые из всех служителей нашей религии, и даже, если я смею так сказать, единственные вежливые; но в том кризисе, в котором они находились в то время, их вежливость простиралась так далеко, что казалась мне раболепством. Король Испании хотел запретить Орден, и они знали, что папа ему это обещал, но уверенные, что этот удар не разразится никогда, они держались отважно. Они не могли себе представить, что у папы хватит смелости на действие, превосходящее, по их представлению, моральные силы человека. Они решились даже на то, чтобы заявить, косвенными путями, что у него нет власти запретить их Орден без созыва церковного Совета; но все было напрасно. Мучения папы, решившегося на этот поступок, происходили от того, что он сознавал, что, произнося приговор о запрещении Ордена, он произнесет этим свой собственный смертный приговор. Он решился на это лишь тогда, когда увидел, что его честь подвергается огромной опасности. Король Испании, который был самым упорным из всех суверенов, написал ему собственноручно, что если тот не запретит Орден, он напечатает и опубликует на всех европейских языках письма, которые тот писал ему, когда был кардиналом, и на основании которых он сделал его великим понтификом христианской религии. Человек другого ума, чем Ганганелли, мог бы ответить королю, что папа не обязан исполнять то, что обещал, будучи кардиналом, и иезуиты поддержали бы эту доктрину, не самую привлекательную из всех, характерных для сторонников пробабиллизма; но Ганганелли в глубине души не любил иезуитов, он был францисканец, он не был джентльмен, его вежливость была деревенская и его ум не был достаточно силен, чтобы пренебрегать стыдом, который он бы испытал, видя, что раскрыты его личные амбиции, и чтобы быть способным пренебречь словом, что он дал великому монарху, чтобы получить возможность воссесть на престоле Святого Петра.

Мне смешно слышать, когда говорят, что этот папа отравился сам от приема слишком сильных противоядий. Факт тот, что, постоянно боясь быть отравленным, он принимал антидоты и предохраняющие средства. Он был невежествен в области физики и мог принять нечто такое; но я смею сказать с моральной убежденностью (если возможна моральная убежденность), что папа Ганганелли умер отравленным, и не своими противоядиями. Вот на чем основана моя уверенность:

В тот же год, когда я был в Риме, и который был третьим годом понтификата Ганганелли, отправили в заключение женщину родом из Витербе, которая бралась делать предсказания, в загадочном стиле и согласно неким приметам. Она предсказывала, в темных выражениях, разрушение Общества Иисуса, не называя времени, когда это должно произойти; но то, что она говорила весьма ясным образом, было следующее: «Общество Иисуса будет разрушено папой, который будет править пять лет, три месяца и три дня, точно столько, сколько Сикст Пятый, ни днем больше и ни днем меньше». Большинство читателей этого пророчества им пренебрегли, и больше не говорили об этой Сивилле, которую, впрочем, заключили в тюрьму. Я прошу читателя сказать мне, разве человек рассудительный, думающий может сомневаться в отравлении этого папы после того, как в его смерти увидели исполнившееся пророчество? Это тот случай, когда моральная уверенность совпадает с физическими основаниями; мысль, которую внушала женщина из Витербе, означала, если вдуматься, что если иезуиты будут запрещены, они наверняка отомстят. Могущественный человек, который отравил папу, смог бы, разумеется, отравить его до того, как тот запретил Орден; но следует понять что он не считал себя способным на это. Очевидно, что если бы папа не запретил Орден, он не был бы отравлен и, таким образом, пророчество было бы опровергнуто. Заметим, что Ганганелли был монахом ордена Св. Франциска, как и Сикст Пятый, и что один был происхождения почти такого же высокого, как и другой. Странно то, что после смерти папы сивиллу выпустили на свободу, сочтя сумасшедшей, и больше о ней не говорили, и что, несмотря на то, что пророчество, о котором я говорил, было общеизвестно, во всех кругах ученых и знати упорно говорили о том, что папа умер отравленный, но отравленный своими противоядиями, которые постоянно принимал сам, и даже в отсутствие своего верного друга Бонтемпи. Я спрашиваю у человека мыслящего, какой был смысл папе, по крайней мере, если он не был сумасшедшим, подтверждать буквально пророчество женщины из Витербе. Те, кто мне скажет, что все это могло произойти и-за простой случайности, заткнут мне этим рот, так как я не могу исключать такую возможность, но я продолжу рассуждать, как я всегда рассуждал. Отравление папы Ганганелли было последним доказательством могущества, которое иезуиты дали миру, даже после своей кончины. Непростительной ошибкой, которую они совершили, было то, что они не заставили его умереть перед запрещением, потому что истинная политика состоит именно в предупреждении и недопущении, и несчастен тот из политиков, кто не знает, что нет ничего в мире, что, в случае возникновения сомнения, нельзя было бы приписать предвидению.

Принц де Санта Кроче, видя меня во второй раз у герцогини де Фиано, спросил *ex abrupto*¹, почему я не иду повидать кардинала де Бернис; я ответил, что собираюсь к нему идти завтра.

– Пойдите к нему, потому что я никогда не слышал, чтобы Его Преосвященство говорил о ком-то с таким уважением, как о вашей персоне.

– Я ему бесконечно обязан уже на протяжении восемнадцати лет; и я охотно подвергнусь риску ему наскучить, чтобы убедить Его Преосвященство в том, что я ничего не забыл из того, чем я ему обязан.

– Пойдите же, и мы все будем этому рады.

¹ неожиданно

Кардинал встретил меня назавтра, выражая полнейшее удовольствие увидеть снова. Он похвалил сдержанность, с которой я говорил о нем с принцем Санта Кроче у герцогини, будучи уверен, что я умолчал об обстоятельствах нашего знакомства в Венеции. Я сказал ему, что, за исключением того, что он пополнил, я нахожу его красивым и свежим, как тогда, когда он выехал из Парижа, тому двенадцать лет назад, но он ответил, что считает, что очень изменился, во всем.

– Мне, – сказал он, – пятьдесят пять лет, и я вынужден есть только овощи.

– Не для того ли, чтобы, исключив скоромное, уменьшить склонность к любовным трудам?

– Я хотел бы, чтобы так полагали; но думаю, что не в этом дело.

Он был обрадован, узнав, что у меня есть письмо к послу Венеции, которое я еще не занес. Он заверил меня, что он его предупредит таким образом, что тот встретит меня весьма хорошо.

– А пока, – сказал он, – я займусь завтра тем, что взломаю лед. Вы пообедаете у меня, и он будет об этом знать.

Я сказал ему, что у меня достаточно денег, и видел, что он обрадован этим обстоятельством, и еще больше тем, что, как я ему сказал, я один и намерен жить разумно и без малейшего блеска. Он сказал, что напишет М.М. об этой новости. Я изрядно развлек его, рассказав о приключении с монахиней из Шамбери. Он сказал, что я смело могу просить принца Санта Кроче представить меня принцессе, где мы сможем проводить приятно часы, но отнюдь не во вкусе тех, что мы проводили в Венеции, потому что это совсем другое дело.

– Она составляет, однако, единственное приятное общество для Вашего Преосвященства.

– Да, за отсутствием лучшего. Вы увидите.

Назавтра кардинал мне сказал, когда мы сидели за столом, что г-н Зулиан предупредил посла Эриццо, который выразил большое желание познакомиться со мной; и я был весьма доволен приемом, который он мне оказал. Шевалье Эриццо, брат прокуратора, который был еще жив, был человек большого ума, хороший гражданин, очень красноречивый и большой политик. Он поздравил меня с тем, что я путешествую, и, вместо того, чтобы быть преследуемым Государственными Инквизиторами, пользуюсь их покровительством, потому что г-н Зулиан рекомендовал меня с их согласия. Он удержал меня на обед и сказал, чтобы я приходил к нему всякий раз, когда у меня не будет ничего лучше.

В тот же вечер у герцогини я попросил принца Санта Кроче представить меня принцессе; он мне ответил, что она желает этого, после того, как кардинал провел накануне час, рассказывая обо мне. Он сказал, что я могу приходить туда в любой день, либо в одиннадцать часов утра, либо в два после полудня. Я был там на следующий день в два часа; она была в кровати, где проводила во все дни сиесту, и, поскольку я был человек без претензий, она пригласила меня войти сразу. В течение четверти часа я увидел все, что она из себя представляла: молодая, красивая, веселая, живая, любопытная, смешливая, разговорчивая; она расспрашивала и не имела терпения дожидаться ответа. Я увидел в этой молодой женщине настоящую игрушку, созданную, чтобы развлекать ум и сердце чувственного и умного мужчины, у которого на плечах груз сложных дел и которому необходимо рассеяться. Кардинал виделся с ней регулярно три раза в день. Утром, при ее пробуждении, он являлся узнать, хорошо ли она спала, после обеда каждый раз приходил в три часа выпить у нее кофе, и вечером виделся с ней в доме, где бывала ассамблея. Он играл с ней тет-а-тет партию в пикет, проявляя при этом настоящий талант проигрывать каждый раз ровно шесть римских цехинов, не больше и не меньше. Таким образом, принцесса была самой богатой молодой особой во всем городе. Муж, хотя и ревнуя в глубине сердца, не мог, в силу практического склада ума, счесть дурным, что его жена пользуется пенсионом в 1800 цехинов в месяц, не вызывая при этом никаких упреков

и не давая поводов для малейшего злословия, потому что это происходило на публике, и это были лишь деньги, законно полученные в игре, которые можно было приписать лишь фортуне. Таким образом, принц де Санта Кроче мог только лелеять и в высшей степени ценить дружбу, которую питал кардинал к его милой принцессе, которая, очень плодовитая, дарила ему дитя не только каждый год, но несколько раз и каждые девять месяцев, несмотря на то, что доктор Салисетти уверял, что он должен проявлять заботу о ее здоровье и не позволять ей беременеть раньше, чем пройдут шесть недель после очищения после родов.

Помимо этого, этот принц пользовался преимуществом получать из Лиона все ткани, что хотел, без того, чтобы главный казначей, которым был тогда монсеньор Браски, теперь папа, мог чего-либо возразить, потому что они были адресованы кардиналу министру Франции. Следует также добавить, что дружба, которую кардинал питал к его дому, гарантировала его от всех тех, кто докучал ему, ухаживая за его женой. Таким был влюбленный в нее в это время коннетабль Колонна, которого он застал в комнате своего дворца за беседой с ней в одну из тех четвертей часа, когда она была уверена, что удар дверного колокольчика не возвещает прихода верного Преосвященства. Едва ушел принц – коннетабль, раздраженный муж заявил принцессе, чтобы она была готова завтра отбыть с ним в деревню. Принцесса протестовала, заявляя, что этот отъезд, непредвиденный, внезапный и преднамеренный, – всего лишь каприз, с которым ее честь не позволяет ей согласиться; но дело было решено, и она должна была бы подчиниться, если бы сам кардинал, придя и узнав всю историю от наивной невинной красотицы, не доказал мужу, что он может, и приданных обстоятельствах даже должен, отправиться в деревню один, оставив свою принцессу в Риме, где она в будущем примет гораздо более разумные меры, чтобы предотвратить такие встречи, которые всегда некстати и порождают ничтожные недоразумения – препятствия для мира в семье.

Менее чем в месяц я стал человеком, не стесняющим никого из трех главных персонажей пьесы. Нимало не вмешиваясь в споры, слушая, наблюдая и, в конце концов, отдавая должное победителю, я стал им почти так же необходим, как маркер игрокам в бильярд. Я заполнял рассказами или комментариями томительные паузы, возникающие в подобных дебатах; они возобновлялись, все чувствовали, что обязаны мне тем, что это происходило так легко, и компенсировали мне это тем, что продолжали свои споры, не считая меня лишним ни в чем и в любое время. Я видел в принцессе, принце и в кардинале три прекрасные души, невинные и лишенные злого умысла, которые продолжали свою игру, никому не мешая и не причиняя никакого вреда миру и добрым нравам общества.

Герцогиня де Фиано, которой было далеко не безразлично, что говорят о ней в Риме, которая располагала мужем той, обладанием которой он делился с кардиналом, она должна была, соответственно, обладать им в избытке, при том, что никто не был обманут, она старалась оставить меня в дураках до такой степени, чтобы я видел все в розовом свете. Она никогда не казалась мне настолько лишенной ума. Она удивлялась тому, что я не считал очевидным, что это проявление обычного чувства ревности, что принцесса де Санта Кроче никогда не приходила к ней; однажды она говорила со мной с таким жаром, стараясь убедить меня, что дело обстоит именно таким образом, что я увидел, что, не согласившись с этим, я потеряю ее милости. Что касается прелестей принцессы, я должен был внушить ей с самого начала, что невозможно понять, каким образом они могли ослепить кардинала, потому что нет ничего незначительней, чем она, и никто среди лиц ее пола не обладает в Риме умом ни более легковесным, ни более непоследовательным. Было, однако, несомненно, что принцесса Санта Кроче – прелесть, созданная, чтобы составить счастье чувственного любовника и философа, такого как кардинал. Я восхищался в некоторые моменты его счастьем, тем, что он обладает этим сокровищем, и еще более тем, с каким высоким достоинством его фортуна продвигала его вверх. Я любил принцессу, но не позволял себе никогда питать какие-то надежды; я всегда держал себя в границах, которые обеспечивали мне место, которое я занимал. Пустившись во все тяжкие,

я рисковал бы все потерять, потому что это затронуло бы гордость дамы и не понравилось деликатности ее любовника, которого возраст и священный пурпур заставили воздерживаться, несмотря на всю его философию, от того, что бывало, когда мы обладали сообща М.М. Надо к этому добавить, что кардинал мне все время говорил, что испытывает по отношению к ней лишь отцовскую нежность; этого мне было достаточно, чтобы понять, что он считал бы дурным, если бы я попытался стать чем-то большим, чем самый избранный из ее покорнейших слуг. Я должен был этим удовольствоваться и быть счастлив, что она оберегалась от меня не более, чем от своей горничной. Чтобы доставить ей наибольшее удовольствие, что могло от меня зависеть, я даже делал вид, что не гляжу на нее, когда она знала, что я ее вижу. Дорогу, которой приходится следовать, желая заполучить нежащуюся женщину, нелегко найти, особенно, если у нее к услугам есть король или кардинал.

Жизнь, которую я вел месяц, что был в Риме, была такой, какую можно только пожелать, чтобы жить спокойно. Маргарита смогла привлечь меня своим вниманием. Поскольку у меня не было слуги, она пребывала по утрам и по вечерам в моей комнате; я смотрел на нее, ужасно довольный подарком, что я ей сделал – искусственным глазом, который казался натуральным для всех, кто не знал об ее увечье. Эта девочка обладала большим умом, не имея ни малейшей культуры, и крайним старанием ее приобрести. Я терзал без всякой цели ее ум, держа перед ней длинные беседы, по утрам и по вечерам, для того лишь, чтобы посмеяться, и делал ей маленькие подарки; давая ей денег, я поддерживал ее интерес к украшениям, которые она усматривала в церкви Св. Апостолов, являясь туда во все праздники и по воскресеньям к мессе. Я заметил вскоре две вещи: одна – она удивлялась тому, что, любя ее, я никогда не выражал это словесными декларациями, а только действием, другая – что если я ее любил, победа над ней не составила бы мне труда. Я должен был догадаться об этой последней, когда, понуждаемая рассказывать мне историю всех своих маленьких приключений, что были у нее с ее одиннадцати лет и до теперешних семнадцати-восемнадцати, она рассказывала те, что доставляли мне наибольшее удовольствие и которые она могла рассказывать, лишь попирая всякое чувство стыда. Я добился этого тем, что давал ей три или четыре паоли всякий раз, когда мне казалось, что она искренняя, я говорил ей об этом; и я ничего ей не давал, когда был уверен, что она скрывает от меня самые интересные обстоятельства интриги. Этим способом я заставил ее признаться, что она уже не девственна, что очаровательная девочка, носящая имя Буонакорси и приходящая к ней повидаться всякий праздник, тем более не девушка, и кто этот человек, что торжествовал победу над ними обеими. Она заверила меня также, что она не крутит амуры с аббатом Черути, моим соседом, к которому она должна была ходить всякий раз, когда ее мать была занята. Этот аббат, пьемонтец, был красив, учен и вместе с тем умен, но он был беден, обременен долгами и потерял свою репутацию в Риме из-за весьма скверной истории, которая еще продолжалась, и несчастным героем которой он был. Говорят, что он рассказал англичанину, который любил принцессу Ланти, что она нуждается в двухстах цехинах, и что англичанин дал их ему, чтобы тот ей их передал, но что аббат оставил их себе. Этот ужасный обман был раскрыт в результате объяснения, произошедшего между дамой и англичанином, когда тот заявил, что готов все для нее сделать и считает пустяком те 200 цехинов, что он ей передал. Дама, весьма удивленная, опровергла это заявление, англичанин, будучи благоразумным, не стал настаивать; но неожиданно аббат был изгнан из дома Ланти и англичанин весьма благородно не захотел более его видеть.

Этот аббат, которого Бьянкони использовал для написания римских «Эфемерид», выходявших каждую неделю, стал моим другом сразу, как я поселился в доме Маргариты. Я узнал, что он ее любит, но мне это было безразлично, так как я не был в нее влюблен, но я не верил, что Маргарита к нему сурова. Эта девушка заверила меня, что не выносит его и что она недовольна всякий раз, когда должна заходить в его комнату. Аббат имел передо мной некоторые обязательства. Он одолжил у меня двадцатку экю, пообещав вернуть их через три-четыре дня,

но прошло три недели, а он мне их не вернул; однако я их у него не спрашивал и даже готов был одолжить еще двадцать, если бы он попросил, но этого не случилось.

Когда я ужинал у герцогини Фиано, я возвращался поздно, и Маргарита меня ожидала. Ее мать спала, и, желая позабавиться, я удерживал ее у себя часок-другой, не замечая, что наши шалости, довольно шумные, беспокоят аббата Черути, который, будучи отделенным от комнаты, где мы развлекались, лишь дощатой перегородкой, должен был слышать даже наши слова и переживать с большим беспокойством наши веселые проделки, при том, что Маргарита ничего не делала, чтобы хоть немного пригасить огонь, которым он пылал.

Однажды, придя к себе после полуночи, я был очень удивлен, застав в моей комнате вместо Маргариты ее мать.

– А где ваша дочь?

– Моя дочь спит. Я больше не могу позволить, по совести, чтобы она оставалась у вас всю ночь.

– Она остается только до момента, когда я, направляясь спать, говорю ей уходить, и эта новость меня обижает, так как она делает для меня слишком ясными ваши несправедливые подозрения. Что могла вам сказать Маргарита? Если она на что-то жалуется, она вас обманывает, и завтра же я съеду от вас.

– Вы будете неправы. Маргарита мне ничего не говорила, наоборот, она утверждает, что с ней вы только смеетесь.

– Прекрасно. Не считаете ли вы, что смеяться дурно?

– Нет, но вы можете делать и другие вещи.

– И на этой возможности вы, между тем, основываете ваше несправедливое подозрение, которое должно ранить вашу совесть, если вы добрая христианка.

– Боже меня сохрани подозревать моих близких, но мне заявили, что ваш смех, ваши шалости настолько громки, что не позволяют сомневаться в том, что ваши действия не совместимы с добрыми нравами.

– Значит, это аббат, мой сосед, имеет нескромность вас беспокоить?

– Я не могу вам сказать, от кого я это знаю, но я знаю.

– Тем лучше для вас. Завтра я перееду; этим я оставлю вашу совесть в покое.

– Но не могу ли я послужить вам как моя дочь?

– Отнюдь нет. Ваша дочь меня веселит, и мне это нравится. Вы не созданы для того, чтобы меня смешить. Завтра я уеду, говорю я вам. Вы меня оскорбили, и это не должно повториться.

– Мне это будет неприятно из-за моего мужа, который захочет узнать этому причину, и я не знаю, что ему сказать.

– Меня не заботит, что может сказать ваш муж. Я уезжаю завтра. Прошу вас уйти, потому что я хочу ложиться спать.

– Позвольте мне вам услужить, позаботиться о ваших ботинках.

– Вы ни о чем не будете заботиться. Если вы хотите, чтобы обо мне позаботились, пришлите Маргариту.

– Она спит.

– Разбудите ее.

Она уходит, и через три минуты появляется Маргарита, почти в рубашке, которая, не успев вставить на место глаз, вызывает у меня взрыв смеха.

– Я спала, а моя мать сказала, чтобы я пришла убедить вас не съезжать от нас, потому что это вызовет недовольство моего отца.

– Я здесь останусь, но вы продолжите приходить одна в мою комнату.

– Я сама этого хочу, но мы не должны смеяться, так как аббат на это жалуется.

– Значит, это аббат нажаловался вашей матери?

– А вы сомневаетесь? Наша радость его раздражает. Наше веселье возбуждает в нем страсть.

– Этого прощелыгу следует наказать. Если мы смеялись позавчера, то этой ночью будем смеяться еще больше.

Согласившись на этом, мы принялись шалить со всей возможной веселостью, сопровождая это взрывами смеха, способными привести в отчаяние нескромного. В самый разгар наших дурачеств, которые длились уже более часа, открывается дверь и мы видим мать Маргариты, которая входит, думая застать нас врасплох. Она видит меня, причесанного, в чепце Маргариты, и Маргариту, которой я пририсовал чернилами усы. Она вынуждена была также рассмеяться.

– Ну что ж, – говорю я ей, – вы находите это слишком преступным?

– Нет, и я вижу, что вы были правы; но согласитесь, что ваши невинные оргии мешают спать вашему соседу.

– Пусть он идет спать в другом месте. Меня это не заботит. Скажу вам даже, что вам следует выбирать между ним и мною. Я остаюсь у вас только при условии, что вы его выгоните, и я возьму его комнату себе.

– Я могу его прогнать только в конце месяца; но я предвижу, что он наговорит моему мужу вещей, которые нарушат мир в доме.

– Он не будет говорить с вашим мужем, я уверен в этом. Предоставьте мне позаботиться об этом. Я сам поговорю завтра утром с аббатом, и он покинет ваш дом вполне добровольно, без того, чтобы вам нужно было с ним об этом говорить. Пусть, милая дама, это останется вашей самой большой заботой. На будущее, беспокойтесь о вашей дочери, когда будете знать, что она остается одна в комнате с женщиной, и они там не разговаривают и не смеются. Тогда вы будете уверены, что там творится что-то серьезное.

После этого заявления она ушла, вполне довольная, и пошла спать. Маргарита, заранее восхищаясь прекрасной операцией, которую я пообещал проделать завтра, так развеселилась, что я не мог помешать себе отдать ей полную справедливость, которой она заслуживала; она провела час в моей постели, без смеха, затем ушла, гордая одержанной победой.

На следующее утро я направился в комнату аббата, где, упрекнув его за нескромность, которую он не мог отрицать, я в ясных выражениях дал ему понять, что он должен искать себе другое жилище, либо я объявляю себя его врагом и начну с того, что потребую двадцать экю, что он мне должен, не обращая никакого внимания на то, что он не может мне их отдать. После некоторых экивоков, он сказал мне, что не может выехать из этого дома, не заплатив некоторую сумму, которую он должен хозяину, и не имея что заплатить за месяц вперед за другую комнату, которую он сразу же пойдет искать; и чтобы устранить эти трудности, я дал ему еще двадцать экю. Так все это дело завершилось добром, я оказался лучше размещен и стал полным обладателем Маргариты, которая ввела меня вскоре и в обладание миленькой Буонакорси, чьи достоинства были намного выше, чем ее собственные.

Эти две девушки познакомили меня с юным героем, который проявил талант, соблазнив их обеих. Это был мальчик портной, пятнадцати лет, с красивым личиком, маленького роста, но одаренный природой настолько основательно, что я вынужден был сказать, что девушки были вполне правы, когда я увидел в действии объект, которому они не имели сил противиться. Этот молодой человек был очень мил; я открыл в нем чувства, которые ставили его выше его состояния. Он не любил ни Маргариту, ни Буонакорси. Встречаясь с ними вместе, он заинтересовал их тем, чего они никогда не видели, и удовлетворил их любопытство. Но, удовлетворенные увиденным, они загорелись желанием чего-то более основательного, мужчина это заметил, и, будучи вежливым и обладая отзывчивой душой, сделал сам первый шаг, предложив им все, что от него зависело. На это предложение две девицы посоветовались между собой и доставили себе эту радость, делая вид, что уступают.

Любя обеих и испытывая к молодому человеку дружеские чувства, я часто доставлял себе удовольствие наблюдать их в их любовных утехх, очень довольный тем, что, вместо ревности к их радостям и их способностям, я ощущал прекрасное их воздействие на меня, так, что я даже участвовал в наслаждениях, и мое наслаждение возрастало при виде этого мальчика, более прекрасного, чем Антиной. Я придел его в хорошее белье и красивые одежды, и через недолгое время он стал вполне мне доверять, посвятив меня во все, что происходит в его сердце, влюбленном в девушку, от которой зависело все его счастье, и любовь к которой делала его несчастным, потому что она была заключена в монастырь; и, не имея возможности получить ее иначе, чем через женитьбу, он был в отчаянии, потому что, при зарплате в один паоли в день, ему едва хватало денег на себя одного. Говоря все время со мной о редкой красоте девушки, которую он обожал, он внушил мне желание ее увидеть, и я увидел ее; но прежде, чем рассказать читателю, как это случилось, я должен подробно описать ему ситуацию, в которой я находился в Риме, когда произошло это знакомство.

Отправившись в один из дней в Капитолий, где должны были распределять призы молодым ученикам живописи и рисунка, я увидел художника Менгса, который должен был называть, как и Помпео Баттони и трое или четверо других, тех, кто заслужил награды. Не забыв, как Менгс отнесся ко мне в Испании, я собрался сделать вид, что его не заметил, когда он меня удивил, подойдя ко мне сам.

– Несмотря на то, – сказал он мне, – что произошло между нами в Мадриде, мы можем все забыть в Риме и разговаривать, без ущерба для нашей чести.

– Почему нет, – ответил я ему, – если не будем касаться существа наших разногласий, потому что, на мой взгляд, этого нельзя будет проделать хладнокровно.

– Если бы вы знали Мадрид, как я, и обязанности, которые я должен был блюсти, чтобы избежать злословия, вы бы поняли, что я должен был делать то, что я делал. Знайте, что меня считали лютеранином, и, чтобы это подозрение возросло, мне достаточно было оставаться индифферентным к вашему поведению. Приходите завтра ко мне обедать, и мы заключим мир под ауспигиями Бахуса. Мы будем обедать по-семейному; я знаю, что вы не видите со своим братом, и я могу вас заверить, что вы его у меня и не встретите, потому что если я его приму, все порядочные люди, посещающие мой дом, меня покинут.

Я не замедлил туда явиться. Мой брат покинул Рим некоторое время спустя вместе с тем князем Белосельским, посланником России в Дрездене, с которым он туда приехал, не получив того, чего хотел, чтобы восстановить свою честь. Сенатор Реццонико был неумолим. Мы виделись с ним только три или четыре раза.

За пять или шесть дней до того, как он уехал, я был удивлен появлением перед моими глазами моего брата аббата, нищего, в лохмотьях, нагло требующего, чтобы я ему помог.

– Откуда ты?

– Из Венеции, где я не мог больше жить.

– И как ты намерен жить в Риме?

– Служа мессу и обучая французскому языку.

– Ты, учитель языка? Ты не знаешь и своего.

– Я знаю мой и французский, и у меня уже есть два ученика.

– Кто они?

– Сын и дочь трактирщика, где я живу; но для начала вы должны меня поддержать.

– Я не дам тебе ни су, уходи с глаз моих долой.

Я оставил его говорить, кончил одеваться и ушел, сказав Маргарите запереть мою комнату. Этот несчастный отправился представиться герцогине Фиано, которая его приняла, чтобы посмотреть, что он такое. Он просил ее заступиться за него передо мной и убедить меня помочь ему, и она отправила его прочь, заверив, что поговорит со мной. Я был пристыжен и раздражен тем, что вечером она заговорила со мной об этом. Я умолял ее больше не гово-

рить со мной о нем и даже больше не принимать его. Я коротко проинформировал ее обо всех мерзостях, на которые он был способен, и о том, чего я могу опасаться, и она больше не хотела его слушать. Он ходил позорить меня по всем моим друзьям и даже к аббату Гама, который снял третий этаж напротив церкви Троицы Монти; все мне говорили, что я должен ему помогать или заставить его покинуть Рим, и это меня угнетало. Аббат Черути через десять-двенадцать дней после того, как выехал из моей гостиницы, чтобы снять апартаменты в другом месте, явился ко мне, говоря, что если я не хочу видеть моего брата просящим милостыню, я должен о нем позаботиться; он сказал, что я могу содержать его вне Рима, и что тот готов уехать, если я буду давать ему по три паули в день. Я на это согласился; но аббат Черути передал делу такой оборот, который понравился мне чрезвычайно. Он поговорил с кюре, который был тогда в Риме и который обслуживал церковь монахов-францисканцев. Этот кюре принял его вместе с моим братом и предложил один тестон² в день за то, чтобы тот служил каждый день мессу в его церкви, получая в качестве милостыни тот же тестон и другие доходы, если он будет читать проповеди, что монахи его монастыря любят чрезвычайно. Так что мой брат удалился, и я не старался, чтобы он знал, что эти три паули в день идут ему от меня. Я передал аббату Черути все свои старые рубашки, чтобы он их ему передал, и старое черное одеяние, и больше не хотел его видеть. Место, куда он направился, было Палестрино – старое Пренесте, где находился знаменитый храм Фортуны. Пока я оставался в Риме, девять эку в месяц передавались ему регулярно, но после моего отъезда он вернулся туда, откуда направился в другой монастырь, где умер скоропостижно тринадцать или четырнадцать лет тому назад. Возможно, он был отравлен.

Медини был в Риме в то время, когда и я там был, но мы не виделись. Он жил на улице Урсулинок у папского рейтара и, живя за счет игры, старался обмануть приезжих иностранцев. Ему везло, и он вызвал из Мантуи свою любовницу с ее матерью и другой дочерью, двенадцати-тринадцати лет. Полагая, что будет пользоваться гораздо большими преимуществами, поселившись в меблированных комнатах, он снял прекрасные апартаменты на той же площади Испании, где жил и я, за пять или шесть домов от меня. Я всем этим пренебрег.

Когда я пошел обедать в воскресенье к послу Венеции, Е.Св. мне сказал, что я буду обедать с графом де Мануччи, который приезжает из Парижа и который обрадовался, узнав, что я в Риме.

– Думаю, вы его хорошо знаете; не будете ли любезны сказать мне, кто этот граф, которого я должен представлять послезавтра Святому Отцу?

– Я познакомился с ним в Мадриде у посла Мочениго; он прилично выглядит, он скромный, красивый мальчик, вежливый – вот все, что я знаю.

– Был ли он в Мадриде представлен ко двору?

– Полагаю, что да.

– Я так не думаю. Вы не хотите мне сказать все, что знаете, но это неважно. Я ничем не рискую, представляя его папе. Он говорит, что он происходит от того Мануччи, знаменитого путешественника тринадцатого века, и известных печатников Мануччи, которые стяжали себе такую славу в литературе. Он показывал мне в своем гербе, о шестнадцати колен, якорь.

Очень удивленный тем, что этот человек, простерший свою месть до того, что хотел меня убить, говорит обо мне, как близкий друг, я решил затаиться, чтобы увидеть, чем кончится дело. Итак, я увидел, как он появился, и не подал никакого знака своего истинного отношения, и, когда, отдав послу дежурные комплименты, он направился ко мне с выражением, будто готов меня обнять, я встретил его с распростертыми объятиями и спросил у него новости о после. Он много говорил за столом, рассказывая, как бы оказывая мне этим честь, множество выдумок о том, что я делал в Мадриде, радуясь, полагая, тому, что, выдумывая, он заставляет и меня

² три паули

выдумывать, приглашая, таким образом, поступать так же и относительно него. Я проглотил все эти пилюли, достаточно горькие, не имея возможности поступить иначе, но решившись перейти к более серьезным объяснениям не позднее чем завтра.

Тот, кто меня заинтересовал, был пришедший к послу вместе с Мануччи француз, которого звали шевалье де Нёвиль. Он прибыл в Рим, чтобы получить кассацию брака дамы, которая содержалась в монастыре в Мантуе; он был, в частности, рекомендован кардиналу Галли. Рассказывая нам множество историй, он развлекал всю компанию; и, выйдя из дома посла, я не отказался сесть вместе с Мануччи в его коляску, чтобы прогуляться до вечера. На закате он сказал нам, что собирается представить нас одной симпатичной особе, где мы поужинаем и где имеется банк фараон. Коляска остановилась у дома на площади Испании, совсем недалеко от моего, мы поднялись на второй этаж и я оказался перед графом Медини и его любовницей, которой французский шевалье воздавал хвалы и в которой я не нашел ничего особенного. Медини меня дружески приветствовал и благодарил француз за то, что тот заставил меня забыть прошлое и прийти к нему. Француз ответил, что ничего не знал, но я оставил все это без внимания, занявшись наблюдением компании, которая весело развлекалась.

Поскольку понтёров Медини показалось достаточно, он уселся за большим столом, выложив перед собой пять или шесть сотен экю золотом и билетами и начал талью. Мануччи потерял все золото, что имел, Невиль выиграл половину банка, а я не играл. После ужина Медини попросил у француз реванша, и Мануччи спросил у меня сотню цехинов или столько, сколько у меня есть. Я дал ему сотню цехинов, которые он потерял менее чем за час, и Невиль потерял в банке около двадцати-тридцати цехинов. Мы все вернулись к себе. Мануччи жил у дочери Ролана, моей свояченицы. Я увидел его на следующее утро у себя в комнате, в момент, когда я одевался, чтобы идти нанести ему визит, с намерением, опасным для нас обоих. Вернув мне мои сто цехинов, он обнял меня и, показывая крупный кредитный вексель на Беллони, предложил мне денег, сколько мне нужно, и, не давая мне говорить, продемонстрировал, что, забыв все, мы должны быть добрыми друзьями на весь остаток жизни. Мое сердце предало мой разум, как это оно делало во многих других случаях, и я заключил мир, который он мне предлагал и которого просил у меня. На следующий день я отправился обедать с ним тет-а-тет. Французский шевалье явился к концу нашего обеда, а после него – несчастный Медини, который предложил нам троим сыграть, каждому по талье, по очереди. Мы играли до вечера, и победителем был Мануччи. Он выиграл вдвое против того, что проиграл накануне; мой проигрыш был незначительный. Проиграл же 400 цехинов Невиль и Медини, который, проиграв только пятьдесят цехинов, хотел выброситься в окно.

Мануччи несколько дней спустя выехал в Неаполь, выдав две сотни цехинов любовнице Медини, которая в одиночку явилась с ним поужинать; но эти две сотни цехинов не помешали Медини подвергнуться аресту за более чем две тысячи экю долгов, что он наделал. Он писал мне из тюрьмы весьма настойчивые письма, побуждая выручить его; однако единственным эффектом этих писем было то, что они убедили меня позаботиться о том, что он называл своей семьей, благодаря любезностям по отношению ко мне юной сестры его любовницы. В это время прибыл в Рим император вместе с великим герцогом Тосканским, своим братом, и благодаря тому, что кто-то из свиты того или другого из этих принцев свел знакомство с этой девушкой, Медини вышел из тюрьмы и уехал из Рима несколько дней спустя. Мы вернемся к нему через четыре или пять месяцев.

Я придерживался тех же привычек. Вечер у герцогини Фиано, послеобеденные часы у принцессы де Санта Кроче и у меня, где бывали Маргарита, Буонакорси и юный портной, которого звали Меникуччио и который рассказами о своих любовных страданиях внушил мне желание познакомиться с объектом его страсти.

Девушка, которую он любил, состояла в чем-то вроде монастыря, куда была помещена из милости в возрасте десяти лет и откуда могла выйти только с тем, чтобы выйти замуж с

разрешения кардинала, который руководил хозяйством и порядком в этом богоугодном заведении. Девушки, которые в нем содержались, получали, по выходе из него, две сотни римских экю, которые они приносили с собой в качестве приданого тем, за кого выходили замуж. У Меникуччио была сестра в этом монастыре, и он ее иногда навещал. Она выходила к решетке с гувернанткой, от которой она зависела и которая заботилась о ее воспитании; несмотря на то, что Менникуччио был ее братом, правила поведения монастыря не позволяли, чтобы она выходила к решетке в одиночку. Эта сестра однажды, пять или шесть месяцев назад, явилась к решетке с молодой подругой, которую Меникуччио до того никогда не видел. В тот день он влюбился в нее. Будучи вынужден оставаться в своей лавке в рабочие дни, он являлся повидать сестру во все праздничные дни, но она появлялась у решетки вместе с объектом его страсти лишь случайным образом. За пять или шесть месяцев он имел счастье видеть ее лишь восемьдесят раз. Его сестра знала, что он обожает эту девушку, и делала для него все, что только можно пожелать, но она не вольна была распорядиться, чтобы та спускалась к решетке, и не смела просить об этой милости у своей руководительницы, которая могла бы ей это предоставить, потому что если бы та могла заподозрить, что тут замешана любовь, она не позволила бы ей вообще спускаться. Итак, я решил пойти с Меникуччио нанести визит его сестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.